

Жандармскій полковникъ и обоянскій предводитель узнали, какимъ образомъ осмотрѣнная ими библіотека попала къ помѣщицѣ Византиновой. Оказалось, что эта библіотека нѣкогда была собственностью фельдмаршала князя Сакена, что подтверждалось собственноручными надписями и подписями его на книгахъ. Отъ Сакена библіотека по наслѣдству перешла къ генераль-майору Гостину, жена котораго доводилась племянницей г-жѣ Византиновой, и воспитывалась вмѣстѣ съ ея дочерью. Вслѣдствіе этого, многія вещи, найденныя Драгневичемъ и уѣзднымъ предводителемъ въ библіотекѣ, напимѣръ, клинокъ шпаги, поднесенной Парижской національной гвардіей фельдмаршалу Сакену, карты Россіи, составленныя въ 1812 году во Франціи военнымъ департаментомъ, и другія вещи—принадлежали генералу Гостину и женѣ его, и временно находились на храненіи въ библіотечной комнатѣ Византиновой.

Не найдя ничего подозрительнаго въ библіотекѣ Византиновой, жандармскій полковникъ сообщилъ ей о полученномъ на нее доносѣ и о томъ, зачѣмъ они осматривали библіотеку. Старуха пришла въ ужасъ... У нея отнялся языкъ... и немало стоило труда, чтобы привести оклеветанную женщину въ сознаніе¹⁾. Полковникъ предложилъ Византиновой передать въ его распоряженіе всю переписку, находящуюся въ домѣ, что она исполнила съ большою охотой. А у Мѣдкиной, находившейся въ это время въ горячечномъ бреду, даже и безъ вѣдома ея была взята шкатулка съ письмами. Тщательное обозрѣніе Драгневичемъ переписки Византиновыхъ и Мѣдкиной еще болѣе убѣдило его, предводителя и станового пристава, въ невинности жительницъ посѣщеннаго ими дома. Византиновы, мать и дочь, въ доказательство своей готовности открыть истину, просили полковника и уѣзднаго предводителя запечатать ихъ библіотеку и шкатулки съ письмами; но оба они признали это излишнимъ. Прочтеніе писемъ убѣдило Драгневича и предводителя, что въ домѣ Византиновой ровно нѣтъ ничего такого, чтобы оправдывало доносъ, убѣдило въ томъ, что Мѣдкина вовсе не владѣетъ знаніемъ польскаго языка, а помнитъ только нѣсколько польскихъ словъ, замѣченныхъ во время двухлѣтняго пребыванія ея вмѣстѣ съ мужемъ въ царствѣ Польскомъ. Французскій же языкъ Мѣдкина знаетъ весьма слабо и можетъ объясняться на немъ только о предметахъ домашняго быта и несложныхъ семейныхъ отношеній.

Жандармскій полковникъ привезъ съ собою въ имѣніе Византиновой клочки писемъ, приложенные къ доносу. По сличеніи почерковъ, оказалось, что, дѣйствительно, клочки эти оторваны отъ подлиннаго письма Мѣдкиной. Но какъ и когда именно письмо,

¹⁾ Впослѣдствіи, въ своей жалобѣ курскому губернатору Византинова-мать объяснила, что съ нею, подъ вліяніемъ внезапнаго испуга, случился ударъ.